

Глава VII

КУЛЬТУРА «МИКРОНЕЗИЙСКОГО КАНОЭ»

Как известно, заселение восточной части Микронезии и Западной Полинезии связывают с общим районом, предположительно на северо-востоке Меланезии, а также с единым культурным субстратом, предположительно культурой лапита. Связь эта, правда, характеризуется весьма осторожно и расплывчато: «Восточная ядерная Микронезия и Полинезия заселялись выходцами из одного района Меланезии, связанного, видимо, с культурой лапита» [Беллвуд 1986: 309].

Что касается Западной Микронезии (Палау, Марианские о-ва, возможно о. Яп), то в настоящее время факт ее заселения из Индонезии и / или с Филиппин не подвергается сомнению. Расхождения существуют только в датировках (коридор от 4300 до 3000 лет тому назад) и первичном центре ранних миграций, однако подробное рассмотрение этих данных не входит в задачи работы.

Таким образом, мы располагаем данными о различном происхождении культур запада и востока Микронезии, но в то же время видим практически абсолютное единство типа каноэ, распространенного в Микронезии. Существенным является и тот факт что, как мы говорили, микронезийское каноэ — это судно, вполне приспособленное для океанского плавания. Все это наводит на мысль о единстве происхождения «культуры каноэ» на более ранних этапах и сохранении именно этой культурной черты в последующее время. С одной стороны, вероятно вследствие ее мореходной практичности и успешности, а с другой — в силу наличия каких-либо факторов, позволивших сохранить или даже рафинировать именно такое каноэ (в отличие от более гибких условий, например Западной Полинезии, позволявших большую функциональную вариативность).

Как уже неоднократно подчеркивалось, преимуществом микронезийского каноэ именно как океанского транспорта является возможность сохранять наветренное положение балансира. Такая возможность обеспечивается, во-первых, взаимозаменяемостью оконечностей каноэ (принцип двухстороннего движения) и,

во-вторых, определенным устройством парусного вооружения, в свою очередь совместимого с данными принципом. Парус является одной из неперенных составляющих океанского каноэ, следовательно, поиск формы, которая могла бы быть максимально эффективно адаптирована к данным особенностям конструкции и маневрирования, позволит пролить свет и на происхождение самого каноэ микронезийского типа.

Микронезийское парусное вооружение более всего напоминает паруса, встречающиеся в Индонезии. По способу установки именно этот парус мог быть легко адаптирован к принципу двухстороннего движения микронезийских каноэ. Достаточно установить мачту посередине корпуса, чтобы создать продольную симметрию и расположить ее в гнезде так, чтобы обеспечить некоторый угол наклона в обе стороны. Это и позволяет переносить парус с одной оконечности корпуса на другую, максимальным образом реализуя балансирующую остойчивость.

В Меланезии к двухстороннему движению приспособлены и другие по форме паруса. Однако при использовании шпринтового паруса (как океанийского, так и западного типа), жестко закрепленного передней шкаториной по мачте, при центральной ее установке центр парусности окажется смещенным слишком далеко в корму, что отрицательно скажется на управляемости судна, заставляя его приводиться к ветру. Прямое вооружение, как отмечалось, не может обеспечить судну хорошие лавировочные качества.

Поэтому латинский парус представляется оптимальным по своим возможностям. Для достижения наилучшей маневренности при двухстороннем движении необходимо, во-первых, на каждом галсе смещать центр парусности в сторону движения, что достигается не только наклоном мачты, но и тем, что часть паруса оказывается впереди нее. Во-вторых, для более эффективного движения против ветра следует жестко фиксировать галсовый угол паруса — при данном типе вооружения это происходит за счет наличия гнезда для рея на каждой оконечности корпуса. С учетом этих конструктивных преимуществ и очевидного сходства формы представляется более чем вероятным, что парус микронезийского типа связан с латинским парусом, распространенным именно в Индонезии. Конечно, невозможно абсолютно точно утверждать, была ли эта связь последовательной или индонезийский и микронезийский паруса возникли из одной, более ранней формы. В любом случае парус микроне-

зийского типа вполне мог развиваться на основе того вооружения, которое существовало в Индонезии. В то же время появление такого паруса и, следовательно, микронезийского каноэ, несомненно, было вызвано процессами, имевшими комплексный характер.

Возникновение паруса данного типа обусловлено адаптацией к принципу двухстороннего движения, что, в свою очередь, непосредственно связано с отказом от второго аутригера и необходимостью сохранять наветренное положение оставшегося. Как указывалось выше, появление каноэ с одним наветренным аутригером — следствие изменения района плавания, выхода в открытый океан. Сопоставив эти выводы с положением о заселении Западной Микронезии, можно резюмировать, что каноэ микронезийского типа начало формироваться в процессе переселения из Юго-Восточной Азии в Микронезию, причем именно как океанское каноэ. Другими словами, само его возникновение (изобретение) связано с миграциями из этого региона на архипелаги Западной Микронезии.

Локальные «вкрапления» каноэ микронезийского типа обнаруживаются и в Меланезии, на северо-восточных границах региона [Haddon, Hornell 1937: 77]. Хэддон и Хорнелл, подчеркивая сходство каноэ Микронезии и Северо-Восточной Меланезии, ссылаются, в частности, на замечание Ф. Гребнера, что «одним из самых интересных феноменов этнологии Южных морей является зона микронезийского культурного влияния, которая простирается вдоль северо-восточных границ Меланезии и оконечности Санта-Крус» [цит. по: Haddon, Hornell 1937: 51].

Здесь мы возвращаемся к культуре лапита, которую, как упоминалось, связывают с заселением Восточной Микронезии и выводят из Индонезии или с Филиппин, а в Меланезии она фиксируется со второй половины II тыс. до н.э. [Беллвуд 1986: 270]. Впрочем, Беллвуд отмечает, что не все исследователи склонны придавать этой культуре слишком большое значение в ходе заселения Океании [Там же: 357]. Однако какие бы культуры ни принимали участие в этногенезе населения указанных регионов, для нас важно следующее. Приблизительно в этот период времени население архипелагов Меланезии было вовлечено в зону активных миграций, которые брали свое начало на островах Индонезии и Филиппин и направлялись в Тихий океан.

При сопоставлении всех этих данных создается впечатление, что миграционные волны, которые прокатились через Меланезию,

имели неоднородный характер. Большинство мигрантов, составлявших протополинезийские общности, по мере своего движения через Меланезию держались в зоне побережий, передвигаясь от острова к острову: таким образом, уходящие на восток островные цепи как бы вели мореплавателей. Трудно предполагать, какие именно мореходные изобретения были привнесены этими переселенцами в меланезийский регион. Но, вероятно, именно здесь сложилась мореходная традиция, которая стала основой для движения в открытый океан. Из разнообразных судостроительных форм выделились каноэ с одним аутригером недифференцированного типа и катамаран, который становится основным видом океанского каноэ при заселении Полинезии.

Другая часть колонистов, возможно выходцев из Юго-Восточной Азии, унаследовавших «культуру микронезийского каноэ», была вынуждена избрать иное направление движения. Были ли они менее многочисленны и организованы, чем протополинезийские общности, и потому оказались вытеснены из общего потока тотальных восточных миграций или сами избрали данное направление, уже располагая сложившимся мореходным типом каноэ, сказать невозможно. Во всяком случае, северная граница Меланезии стала тем рубежом, с которого происходило их продвижение в Тихий океан.

Разумеется, говоря о «культуре каноэ», мы отдаем себе отчет в том, что носители этих судостроительных принципов, как и носители, скажем, мифологических сюжетов, не были однородны по своему этническому составу. Сам процесс перемещения, вероятно, также был дискретным. Едва ли можно согласиться с Беллвудом, когда он говорит об «одном районе Меланезии». Д.-К. Галипо в ходе исследований в восточной Микронезии пришел к интересным выводам. По его данным, заселение этого региона происходило по историческим меркам практически одновременно — в течение 200–300 лет [Galipaud 2004: 43–55].

Этот факт может говорить о масштабности, всеобщности этого процесса, что противоречит идее однонаправленной миграции. Напротив, при подобном стихийном расселении стартовые и конечные точки миграций, скорее всего, окажутся разбросанными на очень большом пространстве. Культура «микронезийского каноэ», по всей видимости, начала формироваться где-то в филиппино-индонезийском регионе. Затем она стала распространяться на северо-восток. Некоторые группы вышли в океан непосред-

ственно из Юго-Восточной Азии, сформировав население западных микронезийских архипелагов. Другие могли продвинуться вдоль островов несколько дальше на юго-восток, в Меланезию, по пути приобретая новые культурные черты, но затем также были вынуждены отодвинуться на север, участвуя в заселении и этногенезе юго-восточной части Микронезии (см. Приложение 3).

Указанная Гребнером зона северо-восточных границ Меланезии может объясняться не только последующим влиянием микронезийской культуры, но и самим происхождением микронезийской «мореходной школы». Проникая на северо-восток, предки микронезийцев использовали в качестве плацдарма северо-восточные границы Индонезии и Меланезии. Они стали той линией, по которой впервые обозначил себя новый тип каноэ: его возникновение было связано с продвижением в океан. Специфическая судостроительная традиция тем самым оставалась неизменной, позволяя существовать как бы на «кромке» океана и сохранять соответствующие знания и умения, которые могли быть востребованы в любой момент.